

ИУДА ПРЕДАТЕЛЬ.

(Продолжение).

V. Иуда—экономъ. Во второй разъ, уже незадолго до измѣны, Иоаннъ Богословъ упоминаетъ объ Иудѣ въ повѣствованіи о помазаніи Господа Марию на вечери въ Виенни (Ін. 12, 1—8). По выразительному показанію Евангелиста, эта вечеря была за шесть дней до пасхи, наканунѣ торжественной встречи Христа народомъ въ Іерусалимѣ (12, 1 ср. 12). Поэтому помѣщеніе разсказа объ этой вечерѣ у Мѳ. 26, 8 послѣ словъ Христа о преданіи Его на распятіе, сказанныхъ за два дня до пасхи (ст. 1—3), и послѣ рѣшенія синедріона взять и убить Христа,— надо признать не хронологическимъ, а pragmatiko-логическимъ, что нерѣдкость у Матея, т. е. по идеиной связи этой вечери или съ словами Господа о предстоящей Ему на пасхѣ смерти, или же съ рѣшеніемъ Иуды предать Христа архіереямъ. Маркъ, какъ обычно, слѣдуетъ порядку типа Матеевова изложенія 14, 1 сл., а Лука совсѣмъ опускаетъ это событие.

Вечеря происходила въ домѣ жителя Виенни Симона прокаженного¹⁾). По Матею и Марку, одна женщина съ драгоцѣнною мастью въ аоловастровомъ дорогомъ сосудѣ подошла ко Гисусу и вылила ее на голову Его, когда Онъ возлежалъ

¹⁾ Предположеніе, будто это былъ названный такъ у Иоанна по многимъ спискамъ (см. выше § II) отецъ Иуды Искаріота, свидѣтельствуетъ только о томъ, что тамъ, гдѣ невозможно оригиналъничать умно, при желаніи оригиналъничать во что бы то нистало, приходится оригиналъничать странно. Иоаннъ конечно не опустилъ бы этого, если онъ явно пользуется всякимъ случаемъ для указанія всего, что стояло въ прямой или косвенней связь съ личностью предателя.

за вечерею. При видѣ этого ученики вознегодовали (Мк: были же *иные* негодовавши—*ἀγαπᾶτειν=ἀγαρ=ἀγειρ*—пришли въ сильное возбужденіе, взволновались), конечно на женщину, какъ видно изъ словъ Господа, и говорили: на что траты эта? можно вѣдь было это продать задорого и дать нищимъ. Кромѣ того Маркъ сообщаетъ: это былъ нарядъ чистый,—женщина разбила драгоцѣнныи сосудъ ¹⁾,—негодовали „промежъ себя“ или „въ себѣ самихъ“ (*πρὸς ἑαυτούς*) только „иные“ (*τινὲς*, но код. D, лат. *a* и яѣк. какъ у Мѣ. „ученики“),—драгоцѣнная масть стоила болѣе трехсотъ динаріевъ ²⁾,—негодованіе на женщину было очень сильное и, въ концѣ концовъ, заявлялось громко (*καὶ ἐγερόμενοῦτο αὐτῇ*). Узнавъ же Иисусъ (ученики говорили между собою и къ женщинѣ), сказалъ имъ: (Мк: оставьте ее) зачѣмъ смущеніе (препятствіе, затрудненія—*χόλους*) доставляете женщинѣ? дѣло прекрасное совершила для Меня (*εἰς ἡμέ—въ* отношеніи Меня, Мк. *ἐν* *ἔμοι—на* Мнѣ),—всегда нищихъ имѣете съ собою (Мк приб: и когда хотите, можете благотворить), Меня же не всегда имѣете,—возливъ миро это (масть эту) на тѣло Мое, она къ погребенію Меня приготовила (Мк: что могла, сдѣлала,—предварила намастить Мое тѣло къ погребенію),—вѣрно говорю вамъ: гдѣ ни будетъ проповѣдано евангеліе сіе въ цѣломъ мірѣ, сказано будетъ и о томъ, что сдѣлала она, въ память ея.

Евангелистъ Іоаннъ прибавляетъ нѣсколько новыхъ дополнительныхъ къ предшествующимъ сообщеніямъ свѣдѣній, ближе уясняющихъ событие и его смыслъ. Было это не за два, а за шесть дней до пасхи, наканунѣ торжественной встречи Господа народомъ, въ Вифаніи, гдѣ устроили Ему вечерю (Евангелистъ не называетъ хозяевъ дома), на коеи недавно воскрешенный Лазарь былъ однимъ изъ возлежавшихъ съ Нимъ, одна изъ его сестеръ, какъ и прежде (Лук. 10, 40), служила за вечерею и занималась по хозяйству, а другая его сестра Марія и теперь избрала благую часть (Лук. 10, 42) и, взявъ литру (фунтъ) мира нарядового (масти

¹⁾ Драгоцѣнное благовоніе наглухо закупоривалось въ сосудѣ, такъ что надо было отколотить шейку сосуда. Plin. Hist. Nat. 13, 3, 4.

²⁾ Определеніе стойности масти вѣроятно принадлежало эконому Іудѣ: ср. Ін. 12, 4 сл.

изъ нарда), настоящаго, драгоценного, намастила ноги Иисуса и вытерла ихъ волосами своими, причемъ домъ наполнился благоуханіемъ отъ масти. Говорить же Иуда Искаріотъ, одинъ изъ учениковъ Его, имѣвшій (долженствовавшій) Его предать: почему эта масть не продана за триста динаріевъ и не дана (эта сумма) нищимъ? Сказалъ же это, замѣчаетъ Евангелистъ, не потому, что о нищихъ была забота у него (буквально: заботилось, печалилось, пеклось ему), но потому, что воръ былъ и, имѣя ящикъ (денежный, кружку), влагающее (подаянія денежныя) носиль (εβάσταζεν) ¹⁾. Но Господь сказалъ на это: оставь ²⁾ ее, пусть (до дня) на день погребенія Моего сохранить (останется, сбережется) это ³⁾,—нищихъ вѣдь всегда имѣете съ собою, Меня же не всегда имѣете ⁴⁾.

Это ἄφες (тѣмъ болѣе ἄφετε), переходящее потомъ въ ἔχετε въ отвѣтѣ Господа, даетъ видѣть, что и у Иоанна отнюдь не исключено недоумѣніе или ропотъ или даже негодованіе „учениковъ“ или „нѣкоторыхъ изъ нихъ“. Но въ этомъ ропотѣ учениковъ вообще и безлично Иоаннъ Богословъ желаетъ оттѣнить именно негодованіе Иуды Искаріота, отличавшееся совсѣмъ инымъ характеромъ и изникавшее изъ другихъ побужденій, чѣмъ недоумѣніе прочихъ учениковъ.

Событие это со всею ясностью открыло противоположность въ отношеніяхъ къ Богочеловѣку со стороны духа и плоти.

Съ одной стороны Марія, тратящая „что имѣла“ на драгоценную масть для Того, Кто имѣлъ глаголы жизни—эту,

¹⁾ Но иѣк. толкуютъ: уносилъ, воровалъ—иѣк. лат. саг. эв. Авг. In Iohan. tr 50, 9 Bened. Par. 2-а, т. 3. p. 2. col. 2183. portabat et exportabat. какъ и Ориг. Коннъ, Теоф. ср. №е 8, 17; №е 20, 15.

²⁾ ἄφες больш. автор. и Сир. син.,—но а. г. vg. sah. aeth ro. Злат. 8, 449, Амвр. Psal. 40, 868 ἄφετε—sinite, dimittite, ср. Gaud. 13, 964: sine eam sive sinite, utrumque enim et in graecis et latinis exemplaribus invenitur, sed magis congruere videtur sensui cum legitur sinite, propter illa, quae pluraliter subsequuntur у Tisch.,—Слав. Мар. Мир. Зогр. Остр. Гал. не дѣй, Acc. Сав. Панд: не дѣйте, Ал: остави.

³⁾ "Іва—ти,ρ'αη №ВД др. слав. да вѣдь день—сѣблюдеть ѿ Acc. Савв. Зогр. Гал. Ник., да кѣ день—Мир., безъ да Остром. остави ѿ вѣдь день погребенія моего сблюсти се Ал.,—др. безъ іва имѣютъ τετραγිκεν А др. Слав. Мар: не дѣй ѿ, вѣдь день погребенія моего сѣблюде ѿ.

⁴⁾ Эти слова т. е. весь 8-й ст. опущ. въ Д и Сир. син., а А кончаетъ ἔχετε, а дальни. съ μεθ'ε... не имѣть.

единую на потребу и неотъемлемую, часть благую. Въ поступкѣ Маріи мы видимъ выраженіе поэзіи любви, безкорыстный даръ преданной до самоотверженія души, возвышенный порывъ охваченного восторгомъ чистой любви сердца. Она совершаеть то же, что дѣлаютъ люди, выражающіе восторгъ и поэзію своей любви въ прекрасныхъ эстетическихъ формахъ—великолѣпнаго храма, монумента, картины, статуи, музыки и под. При отсутствіи живописнаго, скульптурнаго, а отчасти даже и архитектурнаго искусствъ, у евреевъ тѣмъ большее эстетическое значеніе имѣли музыка и чувство благовонія, какъ бы возмѣщавшія недостатокъ эстетическаго наслажденія живописью и скульптурою. Марія, говорить Господь, и „сдѣлала“ именно это „прекрасное дѣло—халѣтъ єѹогъ“, а не нравственно-доброе—аѹафътъ. Ея поступокъ должно разсматривать не съ точки зрѣнія блага или добра—тѣ аѹафътъ, а съ точки зрѣнія эстетики или прекраснаго—тѣ халѣтъ. Поэзія ея любви къ Богочеловѣку и Его идеаламъ, увлеченіе ея Его глаголами вѣчной жизни и единствомъ на потребу выразились именно въ этомъ „прекрасномъ дѣлѣ—халѣтѣ єѹогъ“, въ эстетикѣ намашенія Владыки вѣчной жизни драгоцѣннымъ и настоящимъ народовымъ миромъ, наполнившимъ весь домъ благовоніемъ.

Съ другой стороны опять та же Марея, заботящаяся о многомъ по домохозяйству и негодующая на Марію за то, что она, истративъ „что имѣла“ на драгоцѣнное миро и избравъ единую на потребу благую часть, у намашенныхъ и отертыхъ власами ногъ Учителя слушала Его глаголы вѣчной жизни. Только мѣсто Мареи теперь заступаютъ „ученики“ или „нѣкоторые“ изъ учениковъ. — Нельзя носить съ собою ни мѣшковъ, ни денегъ,— надо продать имѣнія и отдать нищимъ,—должно оставить семью—отца, мать, жену, дѣтей... А тутъ болѣе трехсотъ динариевъ,—цѣлая годовая¹⁾ плата (Ме. 20, 2) поденщика, на такую бесполезную роскошь, какъ намашеніе головы и ногъ, умѣстную развѣ только для носящихъ мягкія одежды въ царскихъ дворцахъ (Ме. 11, 8) 2).

¹⁾ Ср. Лук. 10, 35 — два динария за уходъ и содержаніе больнаго самарянина содержателемъ гостииницы.

²⁾ По Плинію фунтъ драгоцѣнной масти стоитъ болѣе 400 динариевъ Hist. Nat. 13, 3, 4. У Грековъ, Римлянъ и Персовъ было распространено

Такимъ образомъ мы имъемъ здѣсь вполнѣ естественное въ тогдашнемъ положеніи учениковъ столкновеніе Мароинна разсудка съ Марійнымъ сердцемъ,—практичности съ поэзіей,—сухой расчетливости съ потребностями чувства,—идеализма и поэзіи съ прозою реализма и утилитаризма. Великолѣпный ли храмъ, музей изящныхъ искусствъ, художественный памятникъ,—или богоදъльня для убогихъ, домъ призрѣнія для безпріютныхъ, столовая для нищихъ? Изъ-за хлѣба ли только долженъ жить человѣкъ, или изъ-за глаголовъ (идеаловъ духа), исходящихъ изъ устъ Божіихъ?

Отвѣтъ Господа съ безусловною правдою и навсегда утвер-

намашеніе какъ роскошь. (Аристоф. Осы 605 сл. Plat. Resp. 3, 97; Martial. ep. 10, 19, 20. Petron. Sat. 85 др. ср. Wetsteinii Novum Testamentum, 1, 515,—словарь Winer'a art. Gastmahl, Salbe и др. Однако уже Пліній относится неодобрительно къ этой бесполезной роскоши. „Это есть, говорить онъ, предметъ роскоши, изъ всѣхъ самый бесполезнѣйший. Жемугъ и драгоценные камни переходятъ къ наслѣднику, одежды сохраняются долгое время, а масть улетучивается немедленно и исчезаетъ въ свое время... а фунтъ превышаетъ четыреста динаріевъ. За такую цѣну покупается чужое удовольствіе, ибо кто издаетъ запахъ, самъ не чувствуетъ“. Въ Вавил. Kethuboth 17, 6 говорится о возліяніи масти на главы раввиновъ матерью за сына при бракѣ. Но повидимому этотъ обычай былъ усвоенъ отъ Вавилонянъ (Plin. ib. 13, I: Persae madent unguento) Вавилонскими іudeями, между тѣмъ какъ напротивъ въ Палестинѣ раввины неодобрительно относились къ этой роскоши, какъ это видно изъ словъ Іерусал. Berachoth VIII. 8 (Schwab, I, 144—145): „Шаммай говоритъ, что благовонное масло надо держать въ лѣвой руцѣ, а чашу съ виномъ въ правой, благословеніе сначала надъ масломъ, потомъ надъ виномъ. А Гиллель говоритъ, что масло—въ правой, а вино въ лѣвой. Благословеніе говорится надъ благовоннымъ масломъ и изливаютъ изъ него на главу служащаго. Если-же служить ученикъ мудрецовъ (ученый раввинъ), то кропится на стѣну, ибо не подобаетъ ученику мудрецовъ налаштаться благовоніями (это—обычай людей невоздержныхъ)“. Ср. Клим. Ал. Paedag, 2, 8 Pott. 1, 205: „употребление вѣнцовъ и мастей у насъ не необходимо, ибо приводитъ къ любострастію и похотливости, особенно при наступлѣніи ночи“. Однако же Иуда обращаетъ вниманіе не на неумѣстность обычая самого по себѣ, а смотритъ именно съ утилитарно-практической и политико-экономической точки зрѣнія на бесполезную трату значительной суммы денегъ, коими можно было бы оказать помощь нищимъ. Иуда выступаетъ не столько какъ сребролюбецъ или резонеръ - моралистъ, сколько какъ политico-экономъ. Напротивъ, въ другихъ апостолахъ поступокъ Маріи вызывалъ недоумѣніе и ропотъ съ нравственной стороны. Вѣроятно поэтому, что и точная цифра стоимости масти (болѣе 300 динаріевъ) принадлежала economy-Іудѣ.

ждаетъ неотразимую потребность поэзіи для человѣчества, при сухой прозаической разсчетливости въ практической тратѣ пеньязей. Проза вслomoществованія бѣдныи—сама собой, а поэзія намашенія Христа и эстетика—сами собой. Всему свое. Но проза жизни изъ-за хлѣба постоянна, обыденна и своею назойливостю охватываетъ весь будень человѣческаго бытія. А поэзія любви и жизни изъ-за глаголовъ Божіихъ въ этотъ тяжелый туманъ будничной прозы прорывается только по временамъ, въ видѣ ярко сверкающей молніи, своимъ небеснымъ свѣтомъ согрѣвающей и осияющей эту сѣрую прозу борьбы за куски подневиаго хлѣба.

Итакъ, для роптившихъ учениковъ Господа это было простымъ недоразумѣніемъ или непониманіемъ тѣхъ идеаловъ духа, какіе возвѣщалъ и осуществлялъ въ Своемъ лицѣ Христосъ-Богочеловѣкъ,—въ частности недостаточное проникновеніе высоты потребностей духа предъ низменностю заботъ плоти. Это—тоже, что и стараніе Ап. Петра отговарить Христа отъ предстоявшихъ Ему страданій (Ме. 16, 22 дал.),—или непониманіе учениками необходимости страданій для Спасителя (Лук. 24, 21. 25—26) и под. Этому непониманію были болѣе или менѣе причастны тогда всѣ ученики, на что въ данномъ случаѣ и указываютъ Матеѣй (ученики Его“ 26, 8) и Маркъ („нѣкоторые“ 14, 4).

Но Иоаннъ Богословъ, оставляя или предполагая (онъ писалъ свое евангеліе послѣ и въ виду евангельского текста, соотвѣтствующаго теперешнимъ Матею и Марку) это общее недоразумѣніе учениковъ Господа, по отношеніи къ Іудѣ Искаріоту лично и особо видѣть въ этомъ непониманіи нѣчто совсѣмъ иное, что и отмѣчаетъ въ своемъ повѣствованіи выразительно¹⁾. Какъ хозяинъ или экономъ и казначей общины въ то время (ранѣе Іуда не былъ таковыи: ср. Ин. 6, 5), закупавшій припасы и подававшій нищимъ изъ общеї казны (Ін. 13, 29—30), образовывавшійся изъ добровольныхъ

¹⁾ При такомъ объясненіи устраняются искусственные толкованія древнихъ и новыхъ, какъ то: „ученики“ стоятъ синекдохически вмѣсто „Іуды“ (леронимъ), хотя Господь отвѣтъ свой обращаетъ къ ученикамъ а не къ одному Іудѣ, — или: ученики говорили другъ другу, а Іуда обратился прямо къ Господу (Августинъ, ѡеофилактъ), — или: ученики только думали про себя, а Іуда говорилъ вслухъ и под.

взносовъ самихъ учениковъ или ихъ родныхъ и другихъ сочувствуяшихъ общинѣ лицъ (Лк. 10, 3),—Иуда распоряжался деньгами общини и „быть воръ“, удовлетворяя такимъ образомъ свою страсть сребролюбія.

При чтеніи этой замѣтки Евангелиста невольно приходитъ на мысль связь нѣкоторыхъ пороковъ съ известными должностями: ср. мшелоимецъ-скверностяжатель о епископахъ и діаконахъ (1 Тим. 3, 8; Тит. 1, 7—разумѣется обращеніе пастырского служенія Христу въ средство къ стяжаніямъ и прибыткамъ всякаго рода),—или: „пошлихъ ста-рушихъ басенъ-сплетенъ отвращаіся“ 1 Т. 4, 7,—или: „не дерзокъ, не гнѣвливъ“ о епископѣ, и „не двуязычны“—о діаконахъ (*ibid.*). Военно-полицейская служба въ порабощенныхъ странахъ вызываетъ гадливое чувство шпіонства, клеветничества, самоволія, насилиничества, грабительства (Лук. 3, 14). Точно также и подозрѣніе въ воровствѣ—обычная судьба распорядителей общественною казною и чужими имѣніями (ср. „оклеветанъ“ или „донасено было, что расточаетъ имѣніе“ о домоправителѣ неправды Лук. 16, 1,—также наши поговорки: „прилипло“, „у огня обожжешься“, „около воды трудно не замочиться“ и под.). И это—не даромъ. Художникъ, поэтъ, философъ, ученый не позволять себѣ, да и негоды будуть нести службу экономовъ или полицейскихъ фискаловъ. Поэтому даже и независимо отъ подозрѣнія въ воровствѣ (замѣчаніе „быть воръ“ въ отношеніи къ данному историческому времени—вечери въ Вифаніи,—и ко всей общинѣ Христовой конечно могло быть только „подозрѣніемъ“,—въ противномъ случаѣ Иуда не могъ бы оставаться экономомъ общини,—подозрѣніе это, бывшее убѣждениемъ Иоанна Богослова, потомъ оправдалось для всѣхъ апостоловъ въ сребренникахъ, взятыхъ Иудою за свое предательство), уже одно это „имѣніе денежнаго ящика“ и занятіе хозяйствомъ общини необходимо признать, вмѣстѣ съ Богословомъ, за особенно характерную для Иуды черту, выдѣлявшую его изъ ряда прочихъ одиннадцати апостоловъ. До динаріевъ ли и до ковчежца ли было тѣмъ, кто, порвавъ всѣ дорогія связи плоти и оставивъ все, безъ сумы и денегъ за поясомъ должны были ходить по городамъ и селеніямъ съ благовѣстіемъ обѣ открытіи новаго царства Божія—блаженныхъ, нищихъ духомъ (и конечно плотю), плачущихъ,

корткихъ, алчущихъ и жаждущихъ правды, милостивыхъ, чистосердечныхъ, миротворцевъ, гонимыхъ до смерти за правду царства Божія. Эта грошевая разсчетливость Іуды надъ тремя стами динаріевъ и его попеченіе о многомъ при единомъ на потребу („ищите прежде царства Божія и правды его, и это все приложится вамъ“ Мє. 6, 33) открываютъ въ немъ не „духъ животворящъ“, а мертвую „ничего незначающую плоть“ (Ін. 6, 63). А это даетъ возможность заключать, что все время слѣдованія за Христомъ Іуда твердо стоять на почвѣ общеіудейской національной плотяности, материалистического утилитаризма, вожделѣній виѣшне-политическихъ и соціалистическихъ, а не ожиданій нравственнаго перерожденія и осуществленія идеаловъ духа. Жизнь не изъ-за глагола Божія, а изъ-за хлѣба только,—не любовь и блаженство правды Божіей, а кормленіе голодныхъ, благоденствие всѣхъ, Соломоновы шатры и золото равноцѣнное камню,—не поэзія жизни, духа и любви, а проза смерти, плоти, сухого экономического расчета,—мамона и золотой чувственныій тѣлещь, а не Богъ-Отецъ, Сынъ, Духъ, Богъ—вѣра, надежда, любовь. Очевидно, если Іуда не оставлять доселѣ Христа, то до послѣдней минуты своей измѣны онъ, подобно лжеученикамъ и невѣрамъ или лживѣрамъ (Ін. 2, 23—25; 6, 26—60. 66 др.), ждалъ отъ Назаретскаго Чудотворца торжественнаго открытия царства мамоны и плоти,—хотѣлъ найти въ Немъ того политическаго и соціального Мессію, какого ждалъ іудейскій народъ.

Эта „ничего не значащая“ плоть и содѣлала Іуду Искриота изъ апостола діаволомъ, изъ ученика измѣнникомъ, изъ друга предателемъ Господа. Кормленіе нищихъ и поэзія любви или хлѣбъ и глаголъ Божій остались непонятными и несовмѣстимыми противоположностями для этой грубо-чувственной и сухой прозаической натуры. Іуда остался резонеромъ-экономомъ, видящимъ только противорѣчіе между одобрениемъ со стороны Христа жертвы любви Маріиной и учениемъ Его о разданіи имѣній нищимъ. Дѣла любви и расчета несовмѣстимы въ такихъ одностороннихъ и дебелыхъ характерахъ, какъ будто все—въ нищихъ самихъ по себѣ и въ раздачѣ имъ имѣнія, а не въ очищеніи сердца, возрожденіи духа и новотвореніи по образу совершенства Христа Богочеловѣка.

Окончательно убѣдившись наконецъ въ полной противоположности идеала Христова съ своими национально-политическими и плотяно-эгоистическими вожделѣніями, Іуда идетъ туда, гдѣ были очагъ и гнѣздо всѣхъ этихъ утопій,—къ столичнымъ архиереямъ, и предаетъ имъ „Кровь Невинную“.

VI. Іуда — измѣнникъ. Въ заботахъ сохранить свое существованіе отъ революціи народа, провозгласившаго Назаретскому Учителю: „осанна Сыну Давидову, благословенъ грядущій во имя Господне царь Израилевъ“,—іерусалимскій синедріонъ изъ старѣйшинъ-аристократовъ народа и ученыхъ книжниковъ - фарисеевъ во главѣ съ двумя архиереями—Анаѳонъ и Каїфою, не задолго до Пасхи („приближалась пасха“ Лк. „за два дня до пасхи“ Мѳ. и Мк.) окончательно рѣшилъ во что бы ни стало коварствомъ взять Господа и предать смертной казни, только не на праздникъ, а послѣ, изъ трусости предъ народнымъ возмущеніемъ (Мѳ. 26, 3—5 Мк. 14, 1—2 Лк. 22, 1—2). Но одинъ человѣкъ неожиданно измѣнилъ этотъ планъ и ускорилъ развязку. То былъ Іуда Искаріотъ, изъ числа Двѣнадцати апостоловъ, ближайшій ученикъ и другъ-товарищъ (*έταιρος* Мѳ. 26, 50) Господа, какъ прочіе Двѣнадцать.

„Тогда“, т. е. послѣ Вієанской вечери и синедріонскаго рѣшенія казнить Христа смертю (не непосредственно вслѣдъ за вечерею, но спустя четыре дня, такъ что это „тогда“ выражаетъ болѣе pragmatischeю и причинную, чѣмъ точную хронологическую связь событий), когда для Іуды уже со всею ясностью раскрылась противоположность между его мессіанско-іудаистическими вожделѣніями и идеалами Христа, а синедріонъ уже окончательно рѣшилъ кровавую развязку съ Назаретскимъ „Сыномъ Давида и Царемъ Израилевымъ“,—„тогда“, повѣствуетъ евангелистъ Матеей, „одинъ изъ Двѣнадцати, называемый Іудою Искаріотомъ, пошелъ къ архиереямъ и сказалъ: что хотите (намѣрены) мнѣ¹⁾ дать, и я вамъ предамъ Его? Они же постановили ему тридцать сребренниковъ (УВА с і др. мн. LXX Зах. 11, 12, но Да ѣ и иѣк. *στατήρας* или 1. *h στ. ἀργυρίου*). И оттолѣ искалъ случая, чтобы Его предать“ (Мѳ. 26, 14—16).

¹⁾ Сир. син. у Мерх'а есть „мнѣ“, а въ изданіи Bensly-Harris Burkitt'a 14—16 стихи помѣчены звѣздочками.

Маркъ даетъ нѣсколько дополненій. „И Іуда Искаріотъ, одинъ изъ Двѣнадцати, ушелъ къ архіереямъ, чтобы Его предать имъ. Они же, услышавъ, обрадовались и обѣщались ему денегъ (*ἀργύριον*—*ABD* др. Ит Вг *ρεσυνιαμ*,—или *сребренники*—*ἀργύρια A* др. нѣк.) дать. И искалъ, какъ Его благовременно (при удобномъ случаѣ) предать“. Опуская Матеево *τότε*, Маркъ такимъ образомъ устраиваетъ кажущуюся непосредственную хронологическую связь Іудиной измѣны съ Виѳанской вечерею и даетъ возможность нѣкоторому промежутку времени (четыре дня, по Іоанну) между обоими событиями. Далѣе: Маркъ опускаетъ, что самъ Іуда, и притомъ прежде всего, потребовалъ отъ архіереевъ денежной награды и точныхъ свѣдѣній о ея размѣрѣ,—Іуда ушелъ къ архіереямъ для того (это первая, главная и единственная цѣль), „чтобы Его предать имъ“,—а деньги были только еще обѣщаны и уже самими архіереями въ награду, притомъ безъ всякихъ обозначеній суммы. Наконецъ Маркъ выставляетъ на видъ обѣ архіереяхъ само собою предполагающееся въ нихъ „обрадовались“ (Мк. 14, 10—11).

Лука (22, 3—6) излагаетъ дѣло такъ: „Вошелъ сатана въ Іуду, называемаго Искаріотомъ, бывшаго изъ числа Двѣнадцати. И онъ ушелъ и говорился съ архіереями (С и нѣк. а. б. с. е др. Сир. кур. син. пеш. геракл. Эѳ. и нѣк. приб: „и книжниками“) и стратегами (вождями или начальниками стражи.—Д. а. б. с. е. др. нѣк. Сир. кур. и син. Эѳ. оп., а С и нѣк. Сир. пеш. и геракл. приб: *τοῦ ἱεροῦ*—„храма“) о томъ, какъ имъ предать Его. И обрадовались (нѣк. опускаютъ) и положили ему денегъ (*ἀργύριον* *NBD* др. мн. *ρεσυνιαμ* Ит Вг Копт *argentum*,—др. *сребренники*—*ἀργύρια A* С др. сп. къ Мк. Эѳ. „тридцать сребренниковъ“ какъ Мѳ.). И онъ исповѣдался (*Neb ABD* др. мн. е. ф. Вг. Копт. Сир. всѣ кроме син., но *N** С и нѣк. а. б. с. сир. син. и нѣк. др. опускаютъ), и искалъ (Сир син по *Merx'у* „и они искали для него слушая“... Но *Bensly—Harris—Burkitt* помѣч. звѣздочками) слушая предать Его безъ народа имъ (*ι.мъ*—опуск D. а. е. Вг. и нѣк.“). Лука не только не ставить въ непосредственную хронологическую связь съ Виѳанской вечерею измѣну Іуды, какъ и Маркъ, но и, опустивъ эту вечерю, хронологически прямо соединяетъ Іудино предательство съ синедріонскимъ рѣшенiemъ о смерти Господа, бывшимъ *не задолго* (*ήγγειλεν*

бѣ ѿсѣтї тѣт дѣтног) до праздника опреѣноковъ, называе-
мымъ пасхою (22, 1—2). Какъ и Маркъ, Лука не указуетъ
въ деньгахъ главнаго мотива Іудиной измѣны, ибо Иска-
риотъ ушелъ къ архіереямъ и вождямъ (и книжникамъ) не
за тѣмъ, чтобы справляться у нихъ о суммѣ денежной на-
грады за преданіе Господа, но чтобы говориться о томъ,
„какъ имъ предать Его“, послѣ чего уже сами архіереи, об-
радовавшись, положили дать предателю денежную награду
неизвѣстныхъ размѣровъ, причемъ евангелистъ не даетъ
никакихъ указаний на отношеніе предателя къ этой наградѣ.
Кромѣ того евангелистъ Лука даетъ два весьма важныхъ
поясненія къ опредѣленію душевнаго состоянія Іуды въ мо-
ментъ предательства. *Первое*: „сатана вошелъ въ Іуду“, чѣмъ
указывается на духа зла, какъ на главнаго виновника Іудина
злодѣйства (ср. Ин. 13, 2. 27), и на предателя, какъ на „сына
погибели“, сына зла, тьмы, смерти и невѣрія, коимъ про-
тивоположность представляютъ въ евангеліи Иоанна чада
Божіи, сыны свѣта, добра, жизни и вѣры. *Второе*: Іуда „ис-
повѣдался—εξωμολόγησε“ (код. D ωμολογησε, мн. опуск. ср.
выше), по словоупотребленію Нового Завѣта означаетъ: „ра-
скаялся (въ своемъ увлеченіи Назаретскимъ Учителемъ),
исповѣдалъ или призналъ свое единомысліе съ архіереями и
синедріономъ, призналь ихняго національно-іудейскаго Мес-
сію, а Христа объявилъ за лжемессію¹⁾). Наконецъ Лука

¹⁾ Мѣ. 3, 16 Мк. 1, 5 лк. 5, 16 — исповѣдывать, признавать, открывать
грѣхи свои. Ди. 19, 18 парал. съ ἀκαυγέλλειν—возвѣщать дѣла свои,—Мѣ.
11, 25 Лк. 10, 21—признаваться, говорить предъ кѣмъ открыто, наконецъ
изъ LXX Рм. 14, 11 и 15, 9 и Филип. 2, 11: высказывать, исповѣдать,
вѣру свою. Такое же очевидно значеніе глаголь долженъ имѣть и у Лк.
22, 6—при всякомъ другомъ значеніи мы имѣли бы здѣсь единственное
и вичѣмъ необъяснимое отступленіе отъ обычного словоупотребленія.
Притомъ значеніе: „согласился“ дѣлало бы этотъ глаголь излишнимъ
послѣ συγελάλησεν, πᾶς παραβ. Опущение глагола во многихъ текстахъ
объясняется казавшимся: или неудобствомъ значенія „исповѣдался“,
или невуждаемостью глагола при его значеніи „согласился“ послѣ συγελά-
λησεν и др. Древнестл: исповѣдѣ Мар. Загр. Гал. Ник., исповѣда Мир. Ал.,
объщиа Юр. Мст. Тип. Добр. Сим. (по Амф.)—въ Ев. XV в. А 1 у Амф.
вѣть. Теперь: исповѣда съ выноскою Кіев. 1788: обѣщає. Ноучительно
также сравнить употребленіе ὁμολογεῖν и ὁμολογία. Изъ 23 разъ глаголь
ὁμολογεῖν однажды употребленъ въ значеніи открывать или призыватъ
грѣхи (1 Ин. 1, 9), дважды — обѣщаться, соглашаться (Мѣ. 14, 7; Ди. 7,
17), четырежды—признаваться, признаватъ (Мѣ. 7, 23 Ин. 1, 20 Ди. 24, 14 Евр.).

выразительно указываетъ на предполагающійся и у Матея и Марка уговоръ Іуды съ архіереями о преданіи Иисуса „безъ народа“.

Іоаннъ совсѣмъ опускаетъ эти предварительные уговоры предателя съ архіереями. Было бы однакожъ безосновательно отрицать по этой причинѣ достовѣрность синотическихъ извѣстій объ этомъ уговорѣ и утверждать, что мысль и рѣшеніе предать Господа впервые зародились въ Іудѣ только на тайной вечерѣ. Напротивъ, слова Господа: „что дѣлаешь, дѣлай скорѣе“ (Ін. 13, 27) и замѣчаніе Евангелиста: „когда дѣволъ уже вложилъ въ сердце Іуды предать Его“ (13, 2) предполагаютъ переговоры Іуды съ синедріономъ о преданіи Господа ранѣе тайной вечери. По обычаю, Іоаннъ предполагаетъ многія подробности уже извѣстными читателю изъ раннѣйшихъ евангелій, иначе было бы совсѣмъ неожиданно и непонятно сообщеніе 18, 3: „Итакъ, Іуда, взявъ отрядъ (воиновъ) и слугъ отъ архіереевъ и фарисеевъ, приходитъ туда съ факелами и свѣтильниками и оружиемъ“ (ср. подобное же о крещеніи Господа 1, 32—34; 4, 43—45,—объ избраніи Двѣнадцати апостоловъ 6, 70,—о Маріи 11, 2,—объ установлениіи евхаристіи 13, 1 сл. и др. мн.). Очевидно у Іоанна Богослова предполагается постепенный и длительный процессъ въ дѣлѣ измѣны Іудиной. Сначала дѣволъ вложилъ въ сердце Іуды мысль предать Господа, и Іуда идетъ

11, 13) и 16 разъ въ значеніи именно *исповѣданія вѣры* (Мо. 10, 32 Лк. 12, 8 Ін. 9, 22; 12, 42 Дея. 23, 8 Рим. 10, 9, 10; 1 Тим. 6, 12 Тит. 1, 16 Евр. 13, 15; 1 Ін. 2, 23.—4, 2. 3. 15.—2 Ін. 7 Апок. 3, 5.—и *διολογία* всегда (6 разъ) только въ значеніи исповѣданія вѣры (2 Кор. 9, 13; 1 Тим. 6, 12. 13. Евр. 3, 1.—4, 14.—10, 23. Въ такомъ же значеніи можетъ быть надо принимать и *διολογουμένως* 1 Тим. 3, 16. Эта статистика даетъ видѣть явную наклонность новозавѣтнаго языка употреблять терминъ въ особомъ значеніи—исповѣданія вѣры. Въ особенности это надо сказать о языкѣ писателя третьяго евангелія и Дѣяній. Даже *ἀνθρομολογίαι* съ религіознымъ оттенкомъ Лук. 2, 38. Также въ Ветхомъ Завѣтѣ настойчиво употребляется (119 разъ) съ религіознымъ значеніемъ, соотвѣтственно евр. *תְּהִלָּה*, халд. *תְּהִלָּה* евр. *תְּהִלָּה* въ *עֲשָׂרָה* (См. по конкорданціи Hatch'a и Redpath'a). Употребленіе термина у греческихъ писателей, кромѣ Passow'a bearb. v. Rost cet., Liddell-Scott'a и Stephanus'a, ср. еще у Cremer'a Biblisch-Theologisches Wörterbuch des Neutest. Gräleit, 9-te Auf. s. 659—661 (особенно для Іосифа Флавія).—для папирусовъ (всегда въ значеніи договора, условія) ср. The Oxyrinchus Papiri ed. by Grenfell and Hunt, no indices 1, 351 и 2, 278

къ архіереямъ и уговаривается съ ними о способѣ предательства. Потомъ діаволъ овладѣлъ не только мыслю, но и волею Іуды, всѣмъ его существомъ,—и, послѣ поданнаго ему Господомъ на тайной вечерѣ куска, окончательно вошелъ въ Іуду, и тогда уже предатель идетъ за стражею для взятія Христа ночью въ Геѳсиманской рощѣ (13, 26—30).

Къ этому текстуальному изложению евангельскихъ сообщеній можемъ дать нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній.

По синоптикамъ предательство Іуды и его уговоръ съ архіереями совершились *послѣ Виѳанской вечери*, происходившей по Ioannu *за шесть дній до пасхи*,—и *послѣ синедріонскаго рѣшенія о смертной казни Господа*, бывшаго по Матею и Марку *за два днія до праздника* (по Лукѣ „*приближался праздникъ опрѣсноковъ*“),—но *ранѣе того утра*, когда Господь послалъ *Своихъ учениковъ изъ Виѳаниія въ Йерусалимъ* съ *порученіемъ приготовить пасху*, то-есть первого дня опрѣсноковъ или 14-го Нисана. Такимъ образомъ уговоръ Іуды съ архіереями и начальниками могъ происходить только *въ ночь*: или *съ 12 на 13-е Нисана*, если тайную вечерю относить на 13-е Нисана, т.е. за день до дня пасхальной вечери (тогда въ выраженіи Ioan. 13, 1: „*прежде праздника пасхи*“ подъ праздникомъ надо разумѣть пасху въ смыслѣ недѣльного праздника), или съ 13-го на 14-е Нисана, если тайную вечерю считать праздничною пасхальною, согласно показанію синоптиковъ и при толкованіи Ioannova выраженія „*прежде праздника пасхи*“ въ смыслѣ указанія на пасхальную вечерю или на пасху, какъ часть дня, т.е. до того момента или часа, когда начиналась пасхальная вечеря (ср. Lук. 22, 13), что предпочтительнѣе¹⁾). Косвенное указаніе на ночное время находимъ у Матея и Марка, сообщающихъ о предательствѣ вслѣдъ за Виѳанскою вечерею. Правда, вечеря эта, какъ мы знаемъ уже, происходила ранѣе, за четыре дня до предательства и за шесть до пасхи, почему Матеи и Маркъ, надо полагать, излагаютъ оба эти события не по непосредственной ихъ вѣтвѣшне-хронологической послѣдовательности, а по внутренне- pragmaticальной и психологической связи предательства Іудина съ Виѳанскою вечерею. Однакожъ разсказъ о преданіи послѣ именно вѣ-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ въ § VII.

чери Виѳанской у обоихъ евангелистовъ позволяетъ усматривать тутъ и нѣкоторую виѣшне-хронологическую связь предательства именно съ одной изъ Виѳанскихъ вечерей, бывшей послѣ вечери намащенія, но предшествовавшей тайной вечери. На это намекаютъ выраженія: *λορευθεὶς ἀπῆλθε*—ушель съ вечери, изъ Виѳаніи въ Іерусалимъ,—удалился изъ общества Христа и Его апостоловъ. Да и само дѣло требовало ночнаго прикрытия (Ін. 3, 20—21). Іуда шель уговариваться съ архіереями о тайномъ, безъ народа, захватѣ Іисуса,—для сего требовалась крайняя осторожность,—днемъ Іуду могли замѣтить, и замыселъ могъ разстроиться.

Іуда конечно зналъ синедріонское постановленіе (архіереевъ и фарисеевъ), еще до Виѳанской вечери объявленное во всеобщее свѣдѣніе, что „если кто узнаетъ, гдѣ Онъ,—пусть укажетъ, чтобы имъ взять Его“ (Ін 11, 57). Очевидно увѣренный въ томъ, что народъ не организованъ для оказанія серьезныхъ противодѣйствій синедріону, а Самъ Предаваемый не въ силахъ противостоять архіерейской власти, опиравшейся на римскія войска,—окончательно разочарованный въ мессіанствѣ Назаретскаго Учителя,—Іуда идетъ къ архіереямъ, въ рукахъ коихъ былъ законъ, храмъ, богослуженіе, жертвы, вся душа и все тѣло іудаизма.

Подъ этими „*φριαρεῖς*“ надо разумѣть членовъ синедріона изъ первосвященническаго рода, ближайшимъ образомъ тогдашняго дѣйствительнаго первосвященника Каїафу и его тестя, бывшаго первосвященникомъ и теперь устраниеннаго отъ должности, Анана. Это были въ то время вліятельнѣшіе члены синедріона, они стояли во главѣ всего іудейскаго культа, отъ нихъ главнымъ образомъ зависѣлъ приговоръ синедріона.

Евангелистъ Лука кромѣ того называетъ еще „стратеговъ“—начальниковъ надъ священническими и левитскими стражами (Ляйтфутъ и др.), изъ коихъ по Middoth 1, 1 для первыхъ были назначены три мѣста въ храмовыхъ постройкахъ, а для вторыхъ—двадцать одно. Главный начальникъ надъ всѣми стражами назывался „мужъ горы дома“, т. е. храмовой горы—isch—har—habbaith (Schekalim 5 с. и Tamid 1, 1; Middoth 1, 2), *στρατηγός τοῦ ἱεροῦ* Ant. 20, 9. 3,—Bell. 2,

17. 2.—6, 5. 3. Въ Дѣяніяхъ 4, 1 *о стратиго;* той іероѣ названъ между архіереїс (др. чт. ієреїс) и ої аффоукайои (очевидно священники) какъ важное въ іерусалимской администраціи лицо. Въ Дн. 5, 24 онъ стоитъ впереди ої архіереїс и въ непосредственной связи съ синедріономъ (ст. 25—27). Дн. 5, 26 и Antiq. 6, 5. 3 онъ просто называется *стратиго.* По Antiq. 20, 6, 2 одинъ стратегъ по имени Аナンъ вмѣстѣ съ первосвященникомъ Аナンіей отсылаются Кодратомъ въ Римъ, какъ самыя вліятельныя и знатныя у іудеевъ лица. По Bell. 6, 5. 3 ої той іероѣ фулахес доносять той *стратиго,* что мѣдныя врата храма,—кои запирались стратегомъ и коихъ ключи у него хранились,—отворились сами собою. Во 2 Макк. 3, 4 онъ называется *простатиго;* той іероѣ *хадебстацио;*—3 Езр 1, 8 ої *эпистати* той іероѣ (трое). Стратегъ принадлежалъ къ первымъ первосвященническимъ фамиліямъ (Bell. 2, 17.. 2,—ср. Ant. 20, 8. 11). У него былъ секретарь (*ұғасматеңс*), который самъ также пользовался большимъ значеніемъ (Ant. 20, 9. 3),—и имѣлъ полицейскій надзоръ надъ всѣмъ храмомъ, надъ жертвооприношеніями, священниками (Bell. 2, 17.. 2), безопасностю храма и дворовъ. Онъ былъ инспекторомъ храмовыхъ стражъ (Midd 1, 1—2),—въ нужныхъ случаяхъ онъ вызывался среди ючи стражами (*фулахес* или *әлтәрета* Дн. 5, 25 Bell. 6, 5. 3),—во всяко время ночи могъ дѣлать обзоръ съ факелами и подвергать неисправныхъ стражей наказанію (Midd. ib. Bell. 4. 4. 6). Положеніе стратеговъ было такъ важно, что они могли соперничать съ первосвященниками (2 Макк. 3, 4 ср. Ant. 20, 8. 11),—въ началѣ римской войны, напримѣръ, они настояли на томъ, чтобы не принимать жертвъ отъ императора (Bell. 2, 17.. 2 см. Keim, 3. 310 flg. Ann 3; Lightfoot и Schoettgen соотв. м. Friedlieb, Archäologie der Leidensgeschichte, § 14,—др. въ концѣ статьи). Частные посты и стражи—*ої той іероѣ фулахес* Ant. 6, 5. 3 и *әлтәрета* Дн. 5, 26 имѣли своихъ особыхъ стратеговъ, кои всѣ находились въ вѣдѣніи *стратиго;* а той іероѣ. Въ Дн. 16, 20. 22 и 38 *стратигои* называются вообще *әрхонты* (ср. Іерем. 20, 1). Деличь въ Horaе hebraicae къ Дн. 4, 1 (Zeitschrift für der gesammten Lutherischen Theologie und Kirche 1877, 1. 3) различаетъ *о стратиго;* той іероѣ Дн. 4, 1, какъ главнаго начальника надъ храмовыми стражами, отъ просто *стратигои* Лк 22, 4 и 52 какъ частныхъ начальни-

ковъ надъ привратниками, пѣвцами, надзирателями жеребьевъ и др.¹⁾.

Итакъ, подъ прикрытиемъ ночи, какъ сынъ невѣрія и мрака, ненавидящій свѣтъ и не идущій къ свѣту, но возлюбившій тьму (Ін 3, 19—21), Іуда, когда обитатели Виенни покоились мирнымъ сномъ, чрезъ Масличную гору и Геѳсиманскую рощу, пробирался въ Іерусалимъ, къ храму, съ своимъ коварнымъ замысломъ тайно выдать своего Учителя архіереямъ и начальникамъ. Храмовыя ворота, какъ внутренняго, такъ и виѣшняго дворовъ, въ обычное время запирались послѣ вечерней жертвы (*περὶ δεῖλην Bell. 6, 5. 3*). Но на праздникъ Пасхи священники отпирали дворъ для народа съ полуночи (Antiq. 18, 2. 2). Притомъ по требованію ворота могли отпираться и во всякое другое время, такъ какъ въ храмовыхъ дворахъ были жилыя помѣщенія, или когда настояла какая-либо надобность, напр. при появлениі вѣстника о новолунії (Keim 3, 252, Ann. 3).

Безъ особыхъ затрудненій предатель могъ во всякое время прійти къ воротамъ храма и потребовать пропуска къ архіереямъ и стратегамъ по важному дѣлу. Стражи (*φύλακες—φύλαρέται*) вѣроятно доложили сначала своимъ (частнымъ) стратегамъ, а эти—главному стратегу храма или *мужу храмової горы*, который не замедлилъ снести съ тогдашними заправилами синедріона—архіереями Ананомъ и Каїафою. Дѣло было для синедріона крайне важное и неотложное. Такъ въ самое короткое время могли собраться нѣсколько наивліятельнѣйшихъ членовъ синедріона, жившихъ при храмѣ, съ архіереями Ананомъ и Каїафою и стратегомъ храма—во главѣ,—и составить экстренное частное засѣданіе. Искриотъ предсталъ лицомъ къ лицу предъ главами іудейскаго народа и религії.

По Марку и Лукѣ, мрачная радость проявилась на лицахъ архіереевъ, когда они узнали предложеніе Іуды. Замыселъ Іуды какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ архіерейскому плану и облегчалъ его исполненіе въ самомъ главномъ и вмѣстѣ

¹⁾ Разумѣть римскаго воевачальника, какъ вѣкоторые древніе и новые, невозможнно, ибо онъ жилъ не въ храмѣ, гдѣ жили первосвященники и стражи, а въ крѣпости Автонія Antiq. 20, 8. 11. Да іудѣ, увлечененному націально-религіозною идею, и не могло быть никокого дѣла до римскаго прокуратора и римскихъ солдатъ.

самомъ трудномъ—взять Иисуса тайно,—безъ излишняго шума, втихомолку—и безъ народа обѣлать коварное дѣло. Притомъ и личность предателя, одного изъ ближайшихъ учениковъ Господа и Его друга, бросало предъ народомъ неблагопріятную тѣнь на Галилейскаго Мессію и была какъ нельзя болѣе выгодна для враговъ Христа. Іерусалимскіе дѣльцы и политikanы, конечно, не хотѣли упускать изъ рукъ такого случая очернить Христа предъ народомъ и отдѣлаться отъ Него посредствомъ казни.

При одностороннемъ толкованіи сообщаемыхъ евангелистомъ Матѳеемъ словъ Іуды можно подумать, что на первомъ планѣ у Предателя стоятъ деньги: „дать мнѣ“, а потомъ уже Онъ—Его преданіе: „предамъ Его“. Такимъ образомъ можетъ получиться только пошлый договоръ купли—продажи у Искаріота съ архіереями. Но этому не соотвѣтствуетъ уже „*καὶ ἔστησαν*“, т. е. всецѣлая зависимость денежнаго вознагражденія отъ самихъ архіереевъ, и полное безразличіе и пассивность въ отношеніи къ суммѣ со стороны предателя. Ни малѣйшаго съ его стороны намека на торгашество, припрашиванье... Кромѣ того Маркъ и Лука прямо говорятъ, что цѣль Іуды была—„предать Его“, за что, въ видѣ вознагражденія и не безъ злаго умысла, уже самъ синедріонъ положилъ дать денегъ Іудѣ. Для примиренія и всесторонняго пониманія евангельскихъ извѣстій надо думать, что евангелистъ Матѳей, руководясь своими особымиображеніями (какъ мытарь, Матѳей можетъ быть желалъ отмѣтить въ своихъ врагахъ фарисеяхъ, составлявшихъ многочисленную партію синедріона Дн 28, 6 сл. и въ отношеніи къ мамонѣ вполнѣ согласовавшихся и съ саддукеями—архіереями, этотъ всевластный у нихъ принципъ купли—продажи, торгашества и среброслуженія), выставить на видъ именно солидарность Іуды съ синедріономъ въ отношеніи мамонослуженія, какъ одного изъ мотивовъ и предательства, чѣмъ, конечно, отнюдь не исключается возможность и наличность и другихъ вліяній и побужденій, напримѣръ утраты вѣры въ мессіанство Христа (Іоаннъ Богословъ 6, 64) или подавленности сатаною (Лук. 22, 3 Ін. 12, 2. 27), о чёмъ подробная рѣчь далѣе.

Послѣ уговора съ Іудою о способѣ взятія Христа (Мк и Ік), архіереи, по Матѳею „*ἔστησαν*—поставили, постановили“

(ср. Дн. 17, 3), или, какъ Лука, „*συνέθετο*—положили, согласно рѣшили, согласились“ (ср. Ин. 9, 22), а Маркъ еще точнѣе „*ἐπηγγέλατο*—пообѣщались“ дать предателю денежную награду, по Матею въ размѣрѣ „тридцати сребренниковъ“, а по Марку и Лукѣ—вообще „денегъ“ безъ обозначенія ихъ количества. Такъ всѣ древніе переводы, Вульгата и Латинскіе: *constituerunt, statuerunt* Сир іер *μργν* опредѣлили, пеш. *ιμργн*, поставили, тоже Конт. Араб. Древнеслав: поставиша—Савв. Остром. Асс. Мар. Зогр. Гал. Мст. Миросл. Ник. Ал. поздн. и тепер. Но русск. синод. и новѣйшій почему-то невѣрно: „предложили“, какового значенія глаголъ *ἔστησαν* не можетъ имѣть. Глаголъ *ἔστησαν* можно конечно понимать и въ значеніи „отвѣсили“ (на вѣсахъ—*σταθμός*) или „отечитали“. (*dederunt* въ Эзіопскомъ у Walton'a?). До Симона Маккавея (143 г. до Р. Х.) у евреевъ не было монетъ въ видѣ денежныхъ знаковъ, золото и серебро при уплатѣ выдавалось по вѣсу. Поэтому въ имѣющихся у Матея въ виду (Мѳ. 27, 9) параллеляхъ Ветхаго Завѣта (Зах. 11, 12, 13; Іер. 32, 9, 10) рѣчь о платѣ должно понимать въ значеніи именно „отвѣшиванія“. А у Зах. 11, 12, откуда буквально взято Мѳ. 26, 15: *καὶ ἔστησαν τὸν μαθήτον μου τοιάχοτα ἀργυροῦς* у LXX соответствуетъ еврейскому *לְרַשָׁן*, означающему: „и отвѣсили“ (такъ Быт. 23, 46; Йова. 28, 15; Іер. 32, 9; Езр. 8, 25 ср. Быт. 43, 15 *καὶ ἔστησαν = יְמֻעֵן*=поставили на вѣсы,—Иса. 46, 6 *στήσουσιν ἐν σταθμῷ*). Но и при такомъ значеніи, въ виду *συνέθετο* Луки и *ἀπηγγέλατο* Марка, надо будетъ признать, что въ этомъ засѣданіи было только рѣшено (*συνέθετο* Лк) или обѣщано (*ἀπηγγέλατο* Мк) выдать Іудѣ денежную награду, а самая уплата ея (*ἔστησαν* Мѳ) послѣдовала позднѣе, въ ночь самаго преданія. Евангелистъ Матеей въ данномъ случаѣ, какъ и вообще постоянно, соединяетъ разновременные хронологически, но pragmatically тѣсно связанные моменты, въ одно событие, не указавъ точно, когда послѣдовало это *ἔστησαν*—теперь ли или потомъ, при взятіи Господа.

Въ сужденіи объ указанныхъ евангелистомъ Матеемъ *тридцати сребренникахъ-сикляхъ*, существенное значение имѣютъ: а) выразительное умолчаніе Марка и Луки о размѣрѣ денежной награды и б) отсутствіе у Йоанна всякихъ указаний на полученіе денегъ Іудою за свое злодѣйство, не-

смотря на выразительное замѣчаніе о немъ при разсказѣ о Виенской вечери, что онъ былъ воръ, слѣдовательно питалъ пристрастіе къ сребренникамъ. Эти соображенія могутъ давать поводъ къ предположенію, что тридцать сребренниковъ у евангелиста Матея имѣютъ такое же символическое значеніе, какъ и число четырнадцати родовъ въ каждой изъ трехъ эпохъ родословія Христа (1, 17). Какъ въ родословіи языкомъ цифръ Евангелистъ выражаетъ законосообразную своевременность или необходимость явленія Мессіи въ четырнадцатомъ родѣ третьей эпохи—Іисусъ Христъ, такъ и тридцатью сребренниками онъ говоритъ, что „сущій въ образѣ Божіемъ и равный Богу, но добровольно уничтожившій Себя до вочеловѣченія и принятія образа раба“ (Филип. 2, 7 сл.) получилъ именно такую же точно рабскую оцѣнку, какою и во времена пророка Захаріи евреи оцѣнивали попеченіе о себѣ Бога. Словами Захаріи пророка о ничтожнорабской оцѣнкѣ народомъ избраннымъ отеческаго попеченія о немъ Іеговы въ тридцать сребренниковъ Евангелистъ также желаетъ указать на презрѣніе синедріона къ посланному Богомъ Его Сыну—Мессіи. Поэтому цифра тридцати сребренниковъ имѣеть у евангелиста Матея такое же символическое, а не реальное значеніе, какъ и у пророка Захаріи оцѣнка народомъ избраннымъ попеченій о немъ Бога. Тамъ и здѣсь это не дѣйствительные тридцать сиклей, а указаніе только на рабскую презрительную оцѣнку любви къ іудейскому народу Бога Отца и Его Сына. Ближайшимъ поясненіемъ къ этой символикѣ можетъ служить соображеніе, что значеніе лица какъ въ Торѣ такъ и въ Мишне выражается въ денежной оцѣнкѣ. Такимъ образомъ выраженіе: „этотъ стоить тридцать сребренниковъ“ будетъ символически значить: „онъ—рабъ, его цѣна рабская, грошевая“ (см. объ этомъ ниже).

Однакожъ эта символика цифръ у евангелиста Матея отнюдь не исключаетъ ихъ реальности. Въ родословіи Христа Евангелистъ вовсе не произвольно ставитъ числа четырнадцати родовъ и трехъ эпохъ, но какъ эпохи являются выражениемъ необходимыхъ законовъ жизни вообще и истории въ частности, такъ и число четырнадцати родовъ точно соответствуетъ историческимъ даннымъ первой и, надо полагать, третьей эпохи, а во второй получено не произвольно,

но по теократическому закону исключенія трехъ богоненавистныхъ родовъ язычницы и ненавистницы Іеговы—Іезавели и путемъ соединенія въ одинъ родъ постоянно смѣнявшихся царей смутной эпохи послѣ Іоакима—братьевъ Іехоніи и эпохи переселенія Вавилонскаго. Поэтому и въ исторіи предательства Іудина символика тридцати сребренниковъ отнюдь не исключаетъ, а напротивъ предлагаетъ за собою историческую дѣйствительность: синедріонъ дѣйствительно постановить выдать предателю тридцать сребренниковъ, ни болѣе ни менѣе,—и предатель дѣйствительно взялъ, не торгуясь, эти тридцать сребренниковъ. Предполагать большую сумму будетъ противорѣчіемъ ясной и непререкаемой датѣ евангелиста Матея.

А это обязываетъ насъ сообщить свѣдѣнія о стоимости этой суммы.

Сребренникъ—*ἀργυροῦ* и *ἀργύρεος* и *ἀργυροῦς* у LXX соотвѣтствуетъ еврейскому **שֶׁקֶל**—кесеф—серебро, употребляющемуся для означенія денегъ съ словомъ *шекел*—**לָשׂ** (Быт. 23, 15), но чаще съ опущеніемъ послѣдняго (Быт. 20, 16; 37, 28; Іер. 32, 9; Зах. 11, 12; Ос. 3, 2). Въ Новомъ Завѣтѣ обозначаетъ еврейскую монету серебряную сикль (*шекел*), у LXX *σίκλως* (греч. *σίκλως*), *βιβραχμοῦ*, *στάθμιοῦ* и *σταθμῖος*. Происходя отъ глагола *שְׁקַל*—вѣсить, слово это, до введенія монеты, означало собственно вѣсъ вообще (2 Сам. 14, 26; Іезек. 4, 10), въ частности и обычнѣе—металла (золота и серебра), металлическихъ сосудовъ и пр. (Быт. 24, 22. Исх. 38, 24 Числ. 21, 52 *Iuc Nav* 7, 21; 1 Сам. 17, 5 7 др), какъ латинское *libra*, роман. *lira*, livre или Pfund—фунтъ (стерлинговъ).

Свою собственную монету евреи стали чеканить при Симонѣ Маккавеѣ (1 Макк. 15, 6 ср. 13, 41 и Jos Ant. XIII, 6, 6). въ 173—174 г. селевк. эры, за 143 г. до Р. Х: полные сикли и полусикли. На нихъ имѣются надписи финикийскимъ шрифтомъ на одной сторонѣ: **נְשָׁמָר יְהוּדָה קָדוֹשׁ בָּרוּךְ הוּא**—или **בָּרוּךְ הַיְהוּדִים**—*Иерусалимъ святой*,—а на другой, смотря по вѣсу, или **לָשׂ** **לְאַשֵּׁר**—сикль израилевъ (полный сикль), или **לָשׂן יְהוּדָה**—*полусикль*. Сохранились экземпляры съ первыми четырьмя годами четырѣ полусикля и одинъ сикль съ пятымъ годомъ (даты спорны: или правленія Симона Моккавея или Иерусалима), съ помѣтами: **נ** (**גַּנְזָה**) или **ב** или **ג** или **ט** или **נ**. Имѣются

изображенія на монетахъ чаши (стамны съ манно?) или вѣты—пальмы или лиліи—неизвѣстно.

При опредѣленіи стоимости „сребренника“ надо имѣть въ виду, что въ новозавѣтную эпоху еврейскому сиклю—сребреннику болѣе или менѣе точно соотвѣтствовали слѣдующія, ходившія тогда въ Палестинѣ и вообще на Востокѣ, монеты: римскій динарій, финикийско-эллинистической статиръ, аттическая тетрадрахма (или дидрахма, соотвѣтствовавшая полу-сиклю священному или обычному сиклю) и ассирийская села и семитическая зузъ.

Въ Мишнѣ часто упоминается „динарій золотой“ בְּנֵי נָסִיר, соотвѣтствующій римскому „золотому—*aureus* (Maass. scheni II, 7; IV, 9; Schekal. VI, 6; Nazir V, 2; Schob. VI, 3. Meila VI 4) и по Kethub. X, 4 и Baba kamma IV равнявшійся 25 обычнымъ динаріямъ.

Но не эта рѣдкая и неходовая монета разумѣется подъ філарою, чаще другихъ монетъ упоминаемы въ Новомъ Завѣтѣ (Мѳ. 18, 28; 20, 2 сл. 22, 19; Мк. 6, 37; 12, 15; 14, 5; Лк. 7, 41; 10, 35; 20, 24; Ін. 6, 7; 12, 5; Апок. 6, 6), вмѣсто обычнаго семитическаго названія зузъ—*לַל*. Этотъ серебряный и употребительнѣйший изъ всѣхъ монетъ динарій равнялся обычной аттической драхмѣ. Поэтому считали, хотя и рѣже, и на драхмы (Лк. 15, 8 сл. Jos Vita 44, впрочемъ тутъ разумѣются драхмы Тирскаго чекана). Монеты Тирскаго (Финикийскія) чекана, также употреблявшіяся въ Сиріи и Палестинѣ, были легче Римскихъ. Въ Bell. II. 21. 2 ср. Vita 13 Йосифъ Флавій говорить о *τόμισις Τέριοιο*, равнявшейся четыремъ аттическимъ драхмамъ. Эта финикийская монета разумѣется подъ філарою у Мѳ. 17 24 ср. Bell. VII, 6, 6 и *staturomъ*=четыремъ драхмамъ въ Лев. 17, 27, такъ какъ священная подать на храмъ и всѣ вообще подати въ Ветхомъ Завѣтѣ, по Мишнѣ Bechoroth VIII, 7. Переферковичъ 5, 267 и Тосефта Kethuboth XIII конецъ у Переф. 3, 175, платятся монетою Тирскою, которая есть и Иерусалимская. Опредѣленіе *τόμισις Τέριοιο* у Флавія въ Bell. II. 21. 2 и еврейскаго сикля (*ο δικλωτός τόμισις ἑβραιών*) въ Antiq. III. 8. 2 (ср. Philon. op. Mang 2, 276 и Иерон. къ Йезек. 4, 9) въ четыре аттическія драхмы (*αττικὰς δέχεται δραχμὰς τέσσερις*) надо понимать какъ приблизительное только, въ противоположность слишкомъ легкимъ александрийскимъ драхмамъ,—точный всѣ

тирской тетрадрахмы, а следовательно и еврейского священного сикля, былъ нѣсколько легче аттической (Schürer, 2, 51—56), такъ что по Иерониму къ Мих. 3, 10 сикль равнялся собственно только $3\frac{1}{2}$ аттическимъ драхмамъ (20 оволамъ). У LXX оволъ употребляется вмѣсто геры, такъ что вѣсъ священного сикля, по LXX, какъ и Иерониму, равенъ 20 герамъ—оволамъ или дидрахмъ (Исх. 30, 13; 38, 26; Лев. 27, 25; Числ. 3, 47 Иезек. 45, 12). 3000 сиклей составляютъ *каккаръ* или *талаантъ* (Исх. 38, 25 др.) Полусикль называется *бека* (Быт. 24, 22; Исх. 38, 26). Отношеніе сикля къ минѣ неясно. Въ 1 Цар. 10, 17 ср. 2 Пор. 9, 16 мина ровна 100 сиклямъ, у Иезек. 45, 12—только 60, у LXX даже 50. Эта разница можетъ быть объясняется различиемъ священного и простого сикля. Первый назывался *שְׁקָרַבְּרֵשׁ*—шекел гаккодеш—священный или церковный сикль,—а второй *תְּכִלְבֵּרְשׁ*—шекел гаммелех—сикль царскій, гражданскій, или *לִילְלָשׁ*—шекел шелхул—сикль ходячій, обычный, общеупотребительный, простой. Сикль священный равнялся двумъ гражданскимъ сиклямъ или полусиклямъ. А этотъ послѣдній соотвѣтствовалъ селѣ—*עֶלֶב*, равнявшійся двумъ колбонамъ (Schekal. 1, 6 Переф. 2, 270 пр. 5), двумъ зузамъ, финикийской и (приблизительно) аттической дидрахмѣ (еврейскій талантъ или каккаръ=3000 сиклей, а греческій талантъ имѣлъ 6000 драхмъ, отсюда сикль=дидрахмъ) и двумъ римскімъ динаріямъ, такъ какъ драхма во времена Христа ровнялась динарію (Мѳ 22, 19, ср. Мк 12, 16).

Существующіе динаріи Тиверія имѣютъ 69,8 пар. гранъ, тетрадрахма поэтому будетъ равна 279 гранамъ. Если же считать на оволъ или геры, то 20 оволовъ, составляющихъ сикль (по Иерон. и LXX), дадутъ 267 гранъ. Къ этому вѣсу подходятъ сохранившіеся сикли отъ 256 до $271\frac{3}{4}$ гранъ. Разница объясняется съ одной стороны тѣмъ, что первоначальный вѣсъ ихъ долженъ быть нѣсколько выше, а съ другой тѣмъ, что при переложеніи вѣса динаріевъ на дидрахмы соотвѣтствіе можетъ быть только приблизительное. Наиболѣе вѣроятнымъ средній вѣсъ священного сикля считается въ 274 грана, а простого—137 гранъ. На теперешнюю монету священный сикль будетъ равняться около 3 слишкомъ франковъ (драхма нѣсколько менѣе франка), 2 маркамъ 62 пфеннигамъ,—а простой—1 м. 31 пр.

Стало быть синедріонъ постановилъ выдать и дѣйствительно выдалъ Іудѣ денежную награду въ размѣрѣ около 90—100 франковъ и 70—78 марокъ, если принимать церковные сикли, что предполагается храмовою казною (Ме. 27, 7), въ которую вносились только священные сикли (Мн. 17, 24; Ios. Ant. 18, 9. 1 Bell. 7, 6. 6; Schekalim 1, 6). Если же разумѣть, что менѣе вѣроятно, но не невозможно, простые сикли, то будетъ вдвое менѣе, т. е. около 50 франковъ и 37 марокъ.

Въ переложеніи на русскую монету по вѣсу золота получимъ: 70—78 марокъ (марка=31 коп.)=21 р. 70 к.—24 р. 18 к.,—90—100 франковъ (франкъ=25 к.)=22 р. 50 к.—25 р. А по дѣйствительной стоимости 70—78 марокъ (марка=46¹/₅ к.)=32 р. 34 к.—36 р. 3¹/₂ к.,—а 90—100 франковъ (франкъ=37¹/₂ к.)=24 р. 75 к.—37 р. 50 к. Средняя цифра 75 марокъ=34 р. 45 к. На простые сикли будетъ вдвое менѣе, т. е. 17 р. 37¹/₂ к.¹⁾.

Такова приблизительно стоимость синедріонской награды за Іудину измѣну на наши деньги. Сумма во всякомъ случаѣ ничтожная для нашего времени, которую нынѣшніе синедристы даже посовѣтуютъ предлагать современному Іудѣ, а этотъ посовѣтится и братъ.

Но для ближайшаго определенія цѣнности синедріонскихъ сребренниковъ надо уяснить ихъ натуральную стоимость при обращеніи ея въ покупную валюту. Для сего имѣются нѣкоторыя даты.

Въ патріархальныя времена за поле съ пещерою для гробницы было заплочено Авраамомъ Ефрону 400 простыхъ (Быт. 23, 16), торговыхъ, сиклей, или дидрахмъ по LXX=524 мар. 241 р. 9 к. Такимъ образомъ уже въ такую сѣдью старину незначительное поле (ст. 15) съ удобною для погре-

¹⁾ По Schürer'у Geschichte des Jüdischen Volks zum Zeit Jesu. 3-te Aufl. 1, 243,—2, 51—56. 58 Anm. 51,—254, Anm. 31 и у Riehm'a въ Hand Wörterbuch des Biblischen Alterthums,—Art. „Sekel“.—Winer'у Biblisches Realwörterbuch, Artt. „Sekel“, „Geld“, „Denar.“ Другие опредѣляютъ стоимость въ меньшихъ размѣрахъ: 60 марокъ 85 франковъ и др. Ср. Benzinger въ Realencyklopädie für Prot. Theologie und Kirche, 3-te Aufl. Art. „Geld“,—Kennedy въ Hastings's Dictionary, Art. „Monney“, 761—765, прил. IV,—Vigouroux, Dictionnaire de la Bible, Art. „Argent“,—специальная литература указана у Schürer'a, въ § 2-мъ.

бенія пещерою, слѣдовательно на склонѣ скалистой мѣстности, цѣнится въ семь разъ дороже горшечнаго поля, купленного на деньги Гудиной измѣны спустя около двухъ тысячъ лѣтъ, когда деньги должны были подешевѣть вдесятеро, а предметы на столько же подорожать. Но и эта сумма считается незначительною для продавца и покупателя (ст. 15). Братья продали брошенного уже въ ровъ Іосифа, слѣдовательно не интересовавшаго ихъ со стороны своей стоимости, за 20 сребрениковъ („золотыхъ“ у LXX) Изmailътянамъ (Быт. 37, 28). Цѣна эта на 10 сребрениковъ дешевле стоимости раба и рабыни въ времена Моисея (Исх. 21, 32 ср. 30). Но надо имѣть въ виду разность времени и обстоятельствъ. Для сужденія же обѣ этой оцѣнкѣ надо имѣть въ виду, что въ первобытныя эпохи и у первобытныхъ народовъ человѣкъ цѣнился вообще низко. При Моисеѣ овенъ оцѣнивается въ два (?) сикля серебра (Лев. 5, 15), слѣдовательно на 30 сиклей можно было купить только 15 овновъ. По Исх. 21, 32 сумма въ 30 сиклей (дидрахмъ у LXX) платится за раба и рабу, забоданныхъ воломъ. Позднѣе, въ эпоху судей, за 10 сиклей въ годъ съ одѣяніемъ и пищею былъ нанять Михою одинъ левитъ съ тѣмъ, чтобы онъ былъ у него священникомъ (Суд. 17, 10). Плата, по теперешнему, конечно, не большая въ 13 м. 10 пф. или 26 м. 20 пф. ок. 8—16 р. Но не надо забывать полнаго содержанія левита, который притомъ не былъ священникомъ. Важнѣе для насъ параллель 2 Сам. 24, 24: покупка Давидомъ гумна у Орны и воловъ для жертвы за 50 сиклей серебра=65 м. 50 пф.—131 м. или 30 р. 26 к.—60 р. 52 к. Такимъ образомъ даже при Давидѣ за тысячу лѣтъ до Христа гумно стоило многое дороже 30 сиклей.

Затѣмъ, при Соломонѣ, когда, говоря гиперболическимъ языкомъ 1—3 книги Царствъ, серебро считалось за ничто и было ровноцѣнно простому камню, когда заграничная египетская коляска стоила 600 сиклей, а конь—150 (10, 21. 27. 29),—за одну только аренду виноградника платилось 1000 сиклей и за его охрану сторожамъ 200 сиклей (Пѣснь Пѣсней, 8, 11—12).

Позднѣе, при Исаии, цѣнность сикля падаетъ еще ниже: каждая виноградная лоза оцѣнивалась въ сикль и виноградникъ въ 1000 лозъ стоилъ 1000 сиклей (Иса. 7, 23).

У пророка Осії 15 сиклей и полтора хомера ячменя стойти блудница, мужняя жена (Ос. 3, 1—2): очевидно посредствомъ цифръ здѣсь имѣемъ символическое выраженіе ничтожности и презрѣнности той, что блудила съ другими, имѣя у себя любящаго мужа.

Сравнительно небольшую цѣну даетъ пророкъ Іеремія за поле А娴амела—17 сребренниковъ (Іерем. 32, 9), но по праву родства Іереміи принадлежалъ выкупъ этого поля у своего дяди. При томъ это было время нашествія Вавилоніи на Іudeю (ст. 1—2. 15. 24. 29. 36. 43—44), когда имѣнія въ опустѣлой странѣ не могли имѣть никакой цѣнности. Какъ символъ презрѣнія со стороны избраннаго народа къ пастырскому и отеческому попеченію о немъ Бога, тридцать сребренниковъ являются у Зах. 11, 12—13: это—рабская и ничтожная цѣна, какою Іудеи оцѣниваютъ іегову—своего Хранителя и Попечителя.

Изъ временъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующихъ евангельской исторіи, можемъ указать на поденную плату провожатая Товіи въ одну драхму, при всемъ необходимомъ, съ обѣщаніемъ прибавки въ случаѣ благополучнаго путешествія (Тов. 5, 15—16), что вполнѣ соотвѣтствуетъ дневной платѣ рабочему въ Палестинѣ въ одинъ динарій (Ме. 20, 2), такъ какъ динарій равенъ драхмѣ. Соотвѣтственно этому 30 сиклей дадутъ около 120 (менѣе 120, если сикль считать равнымъ не 4, а $3\frac{1}{2}$ драхмамъ) или 60 дней чернорабочаго палестинскаго. Но надо имѣть въ виду дешевизну труда въ то время, особенно просторабочаго поденщика, чтобы представить себѣ всю ничтожность этой суммы для тогдашняго времени. И въ наше время плата за дневной трудъ случайнаго рабочаго невелика, такъ что заработокъ 100—60 дней составитъ неважную сумму. Съ этимъ согласуются два динарія самарянина гостиннику на двухнеднѣвное (повидимому) содержаніе за израненаго разбойниками путника, съ обѣщаніемъ уплатить потомъ, если постоялодворецъ издержитъ что болѣе (Лук. 10, 35).

О ничтожности даннаго Іудѣ вознагражденія можно также судить потому, что Никаноръ, по извѣстію 2 Макк. 8, 10—11, для взноса дани Римлянамъ въ 2 тысячи талантовъ, рѣшилъ пополнить ее отъ плененія Іудеевъ, для чего послать въ приморскіе города объявленіе о продажѣ Іудеевъ въ

рабы по 90 человѣкъ за одинъ талантъ. Но смыслу составителя книги это—райне дешевая цѣна, зависѣвшая оттого, что деньги, и притомъ немалыя, надо было доставить во чтобы то ни стало и въ возможно скоромъ времени. Поэтому разсчету цѣна раба будетъ въ $33\frac{1}{3}$ сикля, что соответствуетъ оцѣнкѣ раба во времена Моисея (Исх. 2, 32) ¹⁾.

Какъ символъ рабской цѣны, независимо отъ дѣйствительной стоимости раба или рабы, тридцать сребренниковъ удостовѣряются Мишною, Арахинъ Ш, 3 Переф. V. 285: „Убить ли воль красицѣшаго изъ рабовъ или безобразнѣйшаго изъ рабовъ, онъ (хозяинъ вола) платить тридцать селамъ (=сиклямъ Тирскимъ или священнымъ, т. е. полнымъ ср. Бехоротъ VIII, 7 Переф. V. 267 и Кетуботъ XIII, Тосефта Переф. Ш, 175), — „если же онъ убилъ свободнаго, то платить его дѣйствительную стоимость“. Пояснительную параллель читаемъ въ Бава Камма IV, 5 Переф. IV, 27: „Если воль забодаль раба или рабу, то онъ даетъ тридцать селамъ, стоитъ ли (убитый рабъ или раба) сто минъ или только одинъ динарій“. Смыслъ ясенъ: тридцать сребренниковъ являются символическою цѣною каждого раба безъ различія возраста, пола и достоинства,—стѣтъ ли рабъ сто минъ или только одинъ динарій, ему одна цѣна—рабская, указанная въ Исх. 21, 32, именно тридцать сребренниковъ.

Наконецъ самъ Евангелистъ Матѳей ясно истолковываетъ тридцать сребренниковъ въ символическомъ значеніи *ничтожности* этой рабской цѣны, если далѣе (27, 7), при повѣствованіи о смерти Предателя, приводить параллель изъ Зах. 11, 12,—13, гдѣ эта сумма является рабски—ничтожною и достойною презрѣнія въ очахъ Бога оцѣнкою со стороны неблагодарнаго народа іудейскаго Его отеческихъ и пастырскихъ о немъ попеченій. Купленный на деньги преданія участокъ земли, для погребенія странниковъ, подъ самымъ Іерусалимомъ, гдѣ земля не могла быть дешева въ то время, не противорѣчить нашему мнѣнію. Ничто не указываетъ на

¹⁾ Раздача Иродомъ предъ смертью по 50 драхмъ каждому воину (Jos. Antiq. XVII. 6. 5 Niese IV. р. 101 § 172) и стоимость сожженныхъ въ Ефесѣ (Дн. 19, 19) чародѣйскихъ книгъ въ 50,000 драхмъ не представляютъ ничего для определенія цѣнности награды Іудиной.

то, что Акелдама куплена только за *Іудину тридцать сребренниковъ*. Могла быть значительная къ нимъ прибавка¹⁾.

Все такимъ образомъ даетъ видѣть, что въ этихъ тридцати сребренникахъ мы имѣемъ символическое указаніе на ничтожество и презрѣнное рабство „Цѣннаго“ ими. И эта символика могла имѣть двѣ стороны.

Достаточно самого бѣлага знакомства съ гражданскимъ и уголовнымъ правомъ Мишны (трактаты отдѣла „Незикинъ“), выразительницы теоретического пониманія и практическаго примѣненія закона Моисеева у евреевъ новозавѣтнаго времени, чтобы убѣдиться въ томъ, что здѣсь все было сведено къ денежной оцѣнкѣ, всякое преступленіе — уголовное и гражданское, — всякий вредъ и обида — все переложено на селaimы, динари, мины, сикли священные (Тирскіе) и простые и пр. Значеніе всякаго дѣянія, всякаго поступка, всякаго объекта права опредѣлено посредствомъ цифры денежныхъ единицъ. Съ исконныхъ временъ евреи — народъ денегъ и золота. Отсюда — какъ представленія такъ и способъ рѣчи еврея отличаются биржевымъ оттѣнкомъ. Посредствомъ денегъ и цѣнныхъ предметовъ выражается благоговѣніе религіозное, гражданское уваженіе, соціальное и политическое положеніе, значеніе личности и пр. Глубоко искрененъ былъ смѣхъ фарисеевъ, этихъ такъ сказать увеличенныхъ въ воскрыліяхъ евреевъ, надъ словами Христа о невозможности совмѣстительства Богослуженія и Мамонослуженія (Лук. 16, 13—14): Мамона и Іегова для еврея сливались въ двуликій образъ одного Бога.

Естественно поэтому свое сочувствіе и благодарность предателю синедріонисты перевели на вѣсъ сребренниковъ и рѣшили выдать Іудѣ денежную награду. Предатель былъ такой же еврей, и для него не представлялось никакой неловкости или чего либо неблагороднаго взять деньги за свою измѣну.

Но въ опредѣленіи размѣра награды могло сыграть важ-

¹⁾ Торговля поля на аукціонѣ отъ 10-до 50 селaimовъ (Арахинъ VIII, 2 Переф. V. 300) конечно только примѣрна, а не означаетъ дѣйствительную стоимость, такъ какъ цѣны земли очень разнообразятся отъ мѣста (Акелдама близъ многолюдной столицы юдейской Йерусалима и поле гдѣ нибудь въ провинції): это видно изъ IX. 2 Переф. 306, гдѣ продажные цѣны поля выставлены уже совсѣмъ другія: мина и двѣсти мины.

ную роль теологическое остроуміе какого нибудь высокочтеннѣйшаго синедріониста изъ раввиновъ. На эти вещи вѣдь они были превеликіе мастера. Талмудъ преисполненъ такими кундштюками, иногда совсѣмъ неожиданными и преудивительными. Какой нибудь остроумъ предложилъ выразить синедріонское опредѣленіе значимости предаваемаго Лица посредствомъ тридцати сиклей, какъ опредѣленной въ Моисеевомъ законѣ цѣны раба (Исх. 21, 32), обращенной раввинскимъ правамъ въ символическо-рабскую цѣну, независимо отъ дѣйствительной стоимости цѣннаго (Арак. III, 3 и Бава камма IV, 5 см. выше). Чрезъ эту рабскую цѣну думали выразить презрѣніе къ ничтожному галилейскому Реформатору и отмстить за то, что Онъ дерзнулъ колебать не-прикосновенный авторитетъ раввинской ученности и отрицать власть архіерейскаго бюрократизма. Этотъ Назаретянинъ-Плотникъ—не учитель, не пророкъ, не мессія, а лжеучитель, лжепророкъ, лжемессія—рабъ: вотъ что говориль синедріонъ звономъ тридцати сребренниковъ. Теперь ли или же въ ночь взятія Христа, какъ видно безъ торговли, Іуда принялъ эти жалкіе гроши... Почему? Потому что это было слишкомъ въ национально-іудейскомъ духѣ. Потому что онъ раздѣлялъ въ то время презрѣніе синедріона къ Галилейскому Лжемессію. Потому, наконецъ, что Предатель былъ всецѣло увлеченъ другою мыслію и мало думалъ о деньгахъ и обо всемъ, близко не соприкосавшемся съ этой мыслью. Причина таже, по коей онъ присутствуетъ съ видимымъ спокойствіемъ на тайной вечери, смѣло протягиваетъ ноги для умовенія Тому, Кого онъ уже предаетъ,—участвуетъ въ Евхаристіи, спрашивается: не я ли, Учитель,—лобзаетъ Преданного Учителя и привѣтствуетъ Его почтительно - ученическимъ: радуйся (здравствуй), Равви. Просто ему было теперь не до денегъ: онъ дѣйствуетъ какъ человѣкъ односторонне и властно увлеченный одною мыслью, что не дозволяеть всесторонне и трезво обсуждать другія, не соприкасающіяся съ нею близко, обстоятельства. Это, какъ увидимъ, особенность характера Іуды. Во всякомъ случаѣ предатель взялъ поставленные синедріономъ тридцать сребренниковъ безъ возраженій, безъ колебаній, безъ торговли ¹⁾....

¹⁾ Объяснять ничтожность суммы и отсутствіе торгащества со стороны предателя тѣмъ, что архіереи и безъ Іуды взяли бы Христа (Газе стр. 233);

Но исторія, со строгостью неизмѣнаго закона и безпристрастного судьи, всегда осуждаетъ подобнаго рода мелочные уколы раздраженныхъ личностей и самолюбивыхъ спѣсей. Въ лицѣ Евангелиста (27, 7) Матея она нашла средство дать символикѣ тридцати сребренниковъ глубокондѣйственное и общечеловѣческое значеніе. Уже древне-еврѣйскій пророкъ (Зах. 11, 12 — 13) поставилъ тридцать сребренниковъ символомъ неблагодарности и презрѣнія со стороны богоизбраннаго народа къ пастырско-отеческомъ попеченіямъ о немъ Іеговы: „и сказалъ имъ (Господь): если угодно вамъ, дайте Мне плату Мою,—если же нѣтъ, не давайте; они отвѣсили Мне въ уплату тридцать сребренниковъ: и сказалъ мнѣ (пророку) Господь: брось ихъ въ храмовое хранилище,—высокая цѣна, какою они оцѣнили Меня! и взялъ я тридцать сребренниковъ и бросилъ ихъ въ домъ Господень“.

Такъ неблагодарность богоизбраннаго народа платить Богу за отеческое попеченіе Его рабскою цѣною тридцати сребренниковъ. Такою же неблагодарностью отвѣтилъ Израиль въ лицѣ синедріона и на болѣе такъ сказать самоотверженный подвигъ богооплощенія въ лицѣ Сына Божія, оцѣнивъ Его тою же рабскою цѣною въ тридцать сребренниковъ. Тридцать сребренниковъ за Бога, тридцать сребренниковъ за Богочеловѣка! Прежде у раввиновъ это была символическая цѣна раба, независимо отъ его дѣйствительной стоимости. Теперь Іуда сдѣлялся типическимъ представителемъ всякаго предателя и тридцать сребренниковъ—символическою цѣною всякой измѣны. Терпѣніе измѣнники носятъ другія имена (христіанскія) и получаютъ за измѣну другія цѣны—милліонны.... Но всѣ они, всегда и справедливо будуть прозываться Іудами, а на ихъ измѣнническихъ миллионахъ лежать невидимое, но неистребимое клеймо тридцати сребренниковъ. Іуда и тридцать сребренниковъ стали общечеловѣческимъ символомъ неблагодарностей и предательствъ всякаго рода.

Съ другой стороны эти сребренники для христіанъ служатъ символомъ идеального совершенства. „Въ насъ, по слову

нельзя: этому противорѣчать боязнь архіеревъ предъ народнымъ волненіемъ и римскимъ прокураторамъ съ одной стороны и „обрадовались“—съ другой,—притомъ архіереи уже знали, какъ это совсѣмъ велегко, по собственному опыту (Ін. 7, 32. 44 сл.).

Апостола (Филипп. 2, 5—11), должно быть то же настроение, что и во Христе Иисусе: Онъ, въ образѣ Бога существуя, не хищениемъ считалъ быть равнымъ Богу, но себя уничижилъ, образъ раба принялъ, въ подобіи человѣческомъ бывъ и видомъ (состояніемъ) оказавшись какъ человѣкъ, унизиль Себя, бывъ послуженъ до смерти, и смерти крестной: почему и Богъ Его превознесъ и даровалъ Ему имя выше всякаго имени, да о имени Иисуса всякой родъ (существъ) преклонится—небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ и всякой языку исповѣдаетъ, что Господь (есть) Иисусъ Христосъ во славу Бога Отца“. Если для богоизбранаго и сущаго въ образѣ Бога Сына Божія образъ раба и вочековѣченіе съ рабскою оцѣнкою Его жизни или личности въ тридцать сребренниковъ были путемъ къ превознесенію до небесъ и божеской славѣ у людей, то и для послѣдователей Его этотъ „образъ раба“ и эти рабы „тридцать сребренниковъ“ Богочеловѣка нашего Спасителя Иисуса Христа должны стоять предъ взоромъ какъ единственная средства и показатели пути къ вершинѣ идеала—пріобщенію богочеловѣчества Христова, преобразованію изъ славы въ славу по образу Христа какъ отъ Господня Духа, возрожденію изъ плотяно-душевнаго въ духовнаго человѣка и восшествію отъ земли на небо, отъ страданій къ блаженству, отъ смерти къ жизни.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Муретовъ.